

**“ПОЛИФОНИЧНОСТЬ” – ПЛЮРАЛЬНОСТЬ, ОТКРЫТОСТЬ
И СИНЕРГИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ТВОРЧЕСТВА
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

Начнем с того, что в настоящем номере *Dostoevsky Studies* за 2025 г. в назывании второго раздела статей мы наталкиваемся на тему “полифоничности”. Далее обратимся к гипотетической ситуации. В ней мы задаем вопрос образованному читателю произведений Ф. М. Достоевского, который хотя и не имеет амбиции углубляться в аналитические и теоретические работы, интерпретирующие тексты писателя, все же знаком с толкованием Достоевского М. М. Бахтиным. Можно ли догадаться, каким будет первое выражение, которое произнесет наш собеседник, которого просим охарактеризовать художественное мышление Достоевского, в частности его романную поэтику? Наверное мы не ошибаемся в предположении, что он ответит: “полифонический роман”.

Частое упоминание одного и того же термина чреватое утратой комплексного смысла самого понятия, приводит исследователей к необходимости не забывать об истории применения и осмысления данного термина и о его важности. Выдающийся ученый Кэрил Эмерсон еще 1990-е годы подробно написала о противоречивой истории рецепции бахтинского понятия полифоничности.¹ Оно привлекает к себе расширенный идейный контекст такими понятиями, как, помимо прочего, диалогичность, двуголосое слово, гетероглоссия или открытость романа Достоевского. Развивалась дальше идея полифоничности и в таких научных достижениях,² примером которых является концепция семиосферы, разработанная Ю. М. Лотманом и Тартуско-московской школой семиотики.³ Для нас стало еще яснее, как можно подойти к плюральной, “полиглотической” системе, основанной на множестве подсистем и микропротоколов.

Вопрос о полифоничности поэтики Достоевского совсем не отпал в исследовании творчества писателя. Наоборот, наши разнообразные и

1 Caryl EMERSON, *The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997), esp. pp. 127-161.

2 Juri M. LOTMAN, “On the semiosphere”, transl. W. Clark, *Sign Systems Studies*, 33, № 1, 2005 [1984], pp. 205-229.

3 Peeter TOROP, “Semiosphere”, in Marek TAMM and Peeter TOROP (eds.), *The Companion to Juri Lotman. A Semiotic Theory of Culture* (London: Bloomsbury Academic, 2022), pp. 296-307.

методологически разнонаправленные научные дискурсы о таком богатом творчестве содействовали тому, чтобы острее понять необходимость научной полифоничности в смысле плюралистического подхода к предмету изучения. Существование в международной достоевистике, как и на научной платформе журнала Международного Общества Достоевского *Dostoevsky Studies*, самых расходящихся мнений и позиций, резко отличающихся друг от друга интерпретаций конкретных произведений и методологических основ толкования, противоположных перспектив, заложенных в выдвинутых научных вопросах, – это черта профессиональной деятельности достоевсковедов, которая продуктивно мобилизует наше научное мышление и помогает обострять личные интересы и культуру собственной аргументации.

Дать простор научному разноголосию в *Dostoevsky Studies* – это сознательно принятый принцип редакторов журнала, которые предлагают читательской аудитории опубликованные в журнале работы, выбирая их не по собственному вкусу или совпадению позиций, а исходя из того, что за каждым ученым остается право сформировать свою оценочную позицию по отношению к постановке проблемы, ее изложению и целостному концептуальному замыслу, воплощаемым в отдельных статьях.

Для микро- и макродиалогов в полифонической системе нужны активные реципиенты, которые не обходятся без “диалогической ситуации”, которую в свете концепта семиосферы можно отождествить как *необходимость* диалога. О ней Лотман утверждает, что она предшествует не только самому диалогу, но и языку (т.е. порождению языка), на котором диалог проводится.⁴ О том, как Бахтин представляет собой адресата в диалогической ситуации, процитируем то описание, возможностью ознакомления с которым мы вновь обязаны Кэрил Эмерсон. Она сообщила в английском переводе с эстонского часть утраченного русского оригинала текста, говорящего об оценке Лотманом Бахтина в роли собеседника:⁵

Бахтин был прекрасным собеседником. Именно собеседником, а не рассказчиком. Во время беседы он часто и долго молчал. Но у него был дар молчать сочувственно, создавая тем самым доброжелательную и довери-

4 Juri M. LOTMAN, *Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture*, transl. A. Shukman (Bloomington IN: Indiana University Press, 1990), pp. 143–144. Ср. комментарий in TOROP, p. 301.

5 Caryl EMERSON, “Lotman and Bakhtin”, in Marek TAMM and Peeter TOROP (eds.), *The Companion to Juri Lotman*, pp. 78–90: 86. Английский перевод с эстонского сделала Триину Пакк.

тельную атмосферу, без которой беседа невозможна. Удивительной была его способность угадывать чужие мысли. Иногда это даже ставило собеседника в неловкое положение. Сегодня мы теряем искусство беседы: мы спешим высказать свои мысли и почти никогда не слушаем, что нам говорят. Наши разговоры превратились в насищенно соединенные монологи, которые со стороны напоминают абсурдную пьесу. Это происходит из-за чрезмерного самолюбования и отсутствия интереса к другому человеку. М. Бахтин, казалось бы, погруженный в свои глубокие мысли, был полон живого интереса к другой личности. Он с такой легкостью улавливал чужие мысли, что создавалось впечатление, будто он сам давно об этом думал, знал все и его интересует не голая, авторитарная мысль, а мыслящий собеседник – человек, который создает мысль, и мысль, которая выражает человека. Он не провозглашал истины, а приглашал к диалогу.⁶

Идея Лотмана, проецированная на характеристику бахтинского типа “собеседования”, «слуша[ть], что нам говорят», для читателя в роли активного реципиента как научного партнера в диалоге с авторами статей журнала означает прислушиваться к призыву к многочисленным мицрдиалогам, которые проявляются в форме явных и скрытых, утвердительных и отрицательных перекличек между разными работами, в итоге составляющими особого рода целостное полифоническое пространство. Само это полифоническое пространство, со своими обнаруженными читателем диалогическими соотношениями “приглашает” нас к креативному продолжению наших открытых научных дискурсов. В этом творческом пространстве, с одной стороны, объединяются статьи в тематических блоках, в рамках которых вырисовываются разные перспективы для обсуждения какой-либо проблемы или направлений исследования; с другой стороны, найдутся в номере многиеозвучные детали. Укажем лишь на ориентации исследовательских поисков, ведь обнаружить полный спектр возникновения диалогичности и полифоничности предстоит читателю-ученому целостного номера.

Первый раздел представляет два контекста философских дискурсов, сочетающихся с творчеством Достоевского. Жорди Морильяс (Любек) в статье “Размышления о Достоевском как философе и теологе” экстенсивно вчитывается в генезис и историю философии и теологии в Греции и

6 См. отрывок на эстонском, в переводе с русского языка утраченного текста, сделанном Малле Салупере: Juri M. LOTTMAN, “Kutse dialoogile”, in Mihail ВАНТИН, *Valitud tööd*, ed. Peeter Тогор (Tallinn: Eesti Raamat, 1987), pp. 5-14: 5-6. Настоящий русский вариант является обратным переводом с эстонского.

их развитие в контексте европейского христианства (Пифагор, Платон, Аристотель, Тертуллиан, Августин Иппонийский, Шопенгауэр), рассматривая и библейский текст, для формулировки в качестве вопроса и разработки ответа на дилемму, можно ли назвать Достоевского философом или теологом в рамках обнаруженных таксономических категорий. К данному вопросу принадлежит и проблема “пророческой” позиции или личности писателя, освещенная также на фоне христианского исследования. Ромило Александар Кнежевич (Ниш) в своей работе “Свобода прежде бытия: Бердяев, Достоевский и онтология *Ungrund*. Переосмысление божественной антиномии и несозданной свободы в русской религиозной мысли” [Freedom Before Being: Berdyaev, Dostoevsky, and the Ontology of the *Ungrund*. Reconsidering Divine Antinomy and Uncreated Freedom in Russian Religious Thought] изучает интерпретацию Достоевского Николаем Бердяевым в свете толкования идеи *несозданной свободы* (*Ungrund*), восходящей к Якобу Бёме, который ввел данное понятие в западную философию. Автор следит за философской генеалогией от Гераклита до Гегеля, выделяя значимость поставленной идеи с перспективы соотношения божественного и человеческого начал, в итоге указывая на онтологию принципа *Coincidentia Oppositorum*, представляющего противоречивость как основу жизни. В метафизике Бердяева автор видит продвижение к динамической онтологии, в которой при условиях *Ungrund* человеческая и божественная креативность умеют сосуществовать и содействовать. Иллюстративным литературным персонажем в творчестве Достоевского, объяснение которого поставлено в данную философскую контекстуальную определенность, является герой романа *Бесы* Кириллов. Обе статьи в первом разделе, посвященном толкованию философских дискурсов, окружающих разъяснение мышления Достоевского, можно соотнести – в качестве внутренних микродиалогов, осознаваемых лишь читателями статей – с резкой постановкой в статьях Лауры Салмон проблемы изучаемости художественного и нехудожественного текстов Достоевского (они представляют собой таким же образом два различных типа культурной дискурсивности как поэтика и философия). Подобным образом мотивируется читатель думать дальше о сосуществовании божественной и человеческой креативности в онтологии жизни, как она осмысляется статьями второго тематического блока данного номера, в том числе и с перспективы возможности симультанности или синтеза.

Ведь работы во втором тематическом блоке – *Полифоничность, диалогичность, симультанность* – с четырех разных точек зрения оттеня-

ют понятие самой полифоничности, хотя и вовсе не все авторы ставят перед собою именно такую явную цель. В своей статье “Мудрость отказа от синтеза: межкультурный диалог между полифоническим романом Ф. М. Достоевского и даосской диалектикой” Ван Цзунху (Пекин) работает методологией компаративистики, сравнивая полифонический мир Достоевского с даосской философией, представляемой по текстам, приписываемым китайским философам Лао-цзы и Чжуан-цзы. Центральным смысловым ориентиром сопоставления является установка на определение и описание отсутствия этапа синтеза в диалектическом соотношении элементов противоположностей – у Достоевского это несводимость к примирению этих элементов в более высоком единстве в качестве высшей истины. В даосской диалектике вместо телеологического процесса сосредоточиваются на взаимных переходах и временном равновесии. Как в литературной практике Достоевского, так и в даоизме многоголосие реальности оказывается оценочной категорией, рассматриваемой и с этической точки зрения. Иван Есаулов (Москва) в работе “Иерархия и полифония как божественное и человеческое в мире Достоевского” [Hierarchy and Polyphony as the Divine and the Human in Dostoevsky’s World] остро ставит вопрос о совместимости феноменов и понятий иерархии и полифонии. Он отказывается как от позиции идейного релятивизма в мире Достоевского, так и от отождествления иерархизации, сводимой, как выражается автор, к религиозному «легализму», который жертвует ценностью личности человека, не призванного лишь сохранить сознание других и быть носителем готовых идей и позиций. Есаулов подчеркивает православную соборную основу полифонии Достоевского. Она на фоне христоцентризма писателя обеспечивает возможность поставить самого человека выше любых идеологических установок. Соборное персонализированное общение как событийный поступок проявляется в движении открытого человека от “я” к “Ты”. В понятии соборной полифоничности выделяется сдвиг внимания от идеологических к поэтическим формулировкам истины изображения человеческой личности и ее связи с божественным миром. Нетрудно читателю здесь подвести данную идею к возникновению микродиалога с темой необходимости различения разных дискурсов – в том числе и философских и поэтических – как в самом творчестве Достоевского, так и его исследовании. Такая тема получает другую специфику изложения в статьях Жорди Мориляса и Лауры Сальмон.

Чжоу Цичао (Ханчжоу) толкует полифонический роман Достоевского, выдвигая на передний план образ Ивана Карамазова и подчер-

кивая проблематику многоголосия в смысле полифоничности самого литературного персонажа. В статье “Энергия «симбиоза» сознания. Заметки к разнонаправленности идей и импульсов Ивана Карамазова” перечисляются хорошо известные элементы сознания и эмоционального мира героя с новой перспективы, в целях показа сосуществования самых разных компонентов мыслей и эмоций героя. Автора работы интересует возможность толкования их синхронии, симбиотического – в смысле совместного – наличия личностных начал и импульсов. Среди мотивирующих к поступку факторов «“симбиоз” означает сосуществование, взаимопроникновение и взаимодействие множественных самоосознаний с различной направленностью в конкретный момент времени. Это порождает множественные возможности в словах и поступках персонажа». «Симбиотическое сознание», таким образом, толкуется в первую очередь с точки зрения синхронии и его изучение исходит из вопроса эстетического эффекта, оказываемого на читателя Достоевского. В статье открывается и начало сопоставительного анализа, в изучаемом аспекте, поэтики Достоевского и Толстого. Каталин Кроо (Будапешт) в статье “О некоторых дальнейших семантических аспектах опыта *полноты* в поэтике Ф. М. Достоевского” добавляет несколько новых аспектов к начатому уже в другой своей работе толкованию поэтического моделирования Достоевским приобретения опыта полного переживания и мироощущения. Внимание автора сосредоточено на семантическом определении мотива полноты в смысле *соединения, стечения* различных элементов мира в одной временной или пространственной сфере, которая маркирована интенсивным восприятием субъекта. Это требует изучения хронотопа полноты с различием горизонтальности и вертикальности, также неопределенности, абстрактности и степеней конкретности (метафоризации и символизации) хронотопа. Формы переживания и осмыслиения полноты сводят вместе разнородные и противоположные элементы бытовых реалий и их эмоциональные или интеллектуальные толкования, – в этом смысле данная тема неотрывна от таких традиционных аспектов изучения поэтики Достоевского как полифоничность, событие в понимании М. М. Бахтина, монодуалистическая антиномия или проблема симультанности. Иллюстративные примеры взяты из романов *Братья Карамазовы* и *Идиот*.

Третий раздел в номере (*Достоевский в контекстах опыта чтения – жизнь, литература, исследования*) посвящается изучению широкого спектра векторов читательского опыта, – как связанного с книгами, получающими разные формы презентации и семантизации в произведе-

ниях Достоевского, так и с чтением произведений самого писателя. Как Татьяна Касаткина (Москва) резюмирует подход научного проекта (2023-2024, ИМЛИ РАН, фонд РНФ), которым она руководила, и результаты которого опубликованы в коллективной монографии (Татьяна А. Касаткина, Катерина Корбелла, Татьяна Г. Магарил-Ильяева, Николай Н. Подосокорский, *Книги в книге. Роль и образ книги в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»*, отв. ред. Татьяна А. Касаткина [Москва: ИМЛИ РАН, 2024]), герои Достоевского «читают, обсуждают, переводят, интерпретируют, покупают, продают, дарят, берут в библиотеке, передают на время друг другу и пишут самые разные книги» – они важны в своей предметности и как смысловое пространство их содержания и играют роль подобным образом и в ракурсе их жанрового воплощения «от житейского и исторического анекдота, фельетона, журнальной статьи и газетной заметки до евангельской притчи и апокалиптического пророчества». Исследование ориентировано на роман *Идиот* и рассматривает в нем многостороннюю функциональность книг, касающихся самых разных уровней понимания текста.

Павел Фокин (Москва), ссылаясь и на исследовательские принципы и достижения описанной выше коллективной монографии, продолжает рассматривать роль книг в произведениях Достоевского, утверждая, что книга, обладающая как духовной, так и материальной ценностью в художественном мире Достоевского, «располагается на вершине предметной иерархии». Она появляется в самых разнообразных ипостасях, существуя как «часть натюрморта, как элемент интерьера, как деталь портрета, как часть жанровой сцены», но нередко имеет и символическое значение и может стать не только участником действия, но и воплощает свойства личности. Толкуется в статье поэтическая сила книг в разборах некоторых эпизодов романов *Преступление и наказание*, *Идиот*, *Подросток* и *Братья Карамазовы*.

Борис Ланин (Познань), обращаясь к теме “Достоевский в Спорах о Достоевском Фридриха Горенштейна”, показывает интересный пример того, как может стать героем известный для всех в представляемой интеллектуальной среде – на заседании редакционной коллегии в советском издательстве – Достоевский, фигура и творчество которого становятся предметом разных толкований, дискуссий и полемик в контексте вторичного текста: рукописи автора Романа Эдемского *Достоевский и атеизм*. Обсуждение касается вопроса, как “читается” Достоевский в идеологическом ракурсе (атеист и rationalist, религиозный писатель, пророк русской идеи и т.д.) представителями «реальной борьбы за ин-

терпретацию писателя в советской культуре», в которой стоит и вопрос антисемитизма, осмыслияемого также на фоне отношений к западническому и почвенническому ориентирам и в русле вопроса национальной идентичности. Автор статьи приписывает принцип построения драмы (1973) – по ее жанру: пьесы идей – баухинскому принципу открытого диалога, карнавальности и полифоничности.

Энрике КЕРО ХЕРВИЛЬЯ и Наталья АРСЕНТЬЕВА (Гранада) в своей работе “Феноменология модальной неопределенности в *Преступлении и наказании* Ф. М. Достоевского: анализ языка и переводческие решения” ставят вопрос перевода произведений Достоевского на испанский язык на основе чтения и толкования своеобразия выражений модальной неопределенности в произведениях писателя. Авторы дают типологию модальной неопределенности и не просто иллюстрируют изучаемый феномен, но и нюансируют анализируя текстовые примеры из выбранного для обсуждения романа. Эпистемические, эмоционально-психологические и поведенческие модальные индикаторы рассматриваются с функционально-семантической и феноменологической точек зрения. Богатый лингвистический материал обнаруживает, как в смысловом мире романа – на разных уровнях сознания героев, повествователя и автора, – специфически «в момент становления мысли», проявляется динамика «колебания между восприятием и воображением, знанием и предположением, чувством и действием». Такая динамика передает информацию о представленном в произведении видении мира и обращает внимание на проблему возможности перевоплощения высказывания. Статья, таким образом, соединяет исследовательские области лингвистического подхода, литературного толкования текста и изучения вопроса перевода. Приводятся многочисленные примеры на испанском языке для решения проблемы сохранения или компенсации важных семантических оттенков и их эффектности.

Статья Константина Баршта (Санкт-Петербург) “Пути и возможности научного освоения творческого наследия Достоевского в XXI веке” предпринимает задачу обрисовать диапазон разных возможностей – с их преимуществами и трудностями – доступных для современного исследователя творчества Ф. М. Достоевского для работы с рукописями и академическими текстами в форме традиционной публикации текстов и их появления на цифровых платформах. Автор статьи, помимо прочего, размышляет над такими аспектами текстологии, как перевод архаичной грамматики и пунктуации XIX века на современный русский язык, датировка заметок, доступность к идеографическим заметкам и рисун-

кам писателя. Он привлекает внимание достоевсковедов к важной роли интернет-ресурсов, созданных в последние годы и играющих значительную роль в «интеграции и укреплении международной научной базы».

Блаж ПОДЛЕСНИК (Любляна) в своей работе “Достоевский и искусственный интеллект” ставит творчество Достоевского в контекст злободневной проблематики трансгуманизма с перспективы технологии искусственного интеллекта. Обращается внимание на способность и возможность крупных языковых моделей порождать художественные произведения, которые могут распознаваться по своим стилистическим свойствам как представляющие собою оригинальные тексты разных авторов. Вопрос обсуждается в рамках более широкой темы цифрового представления творчества писателя. В ходе толкования упоминается и феномен “оцифрованного” Достоевского, с указанием на возникновение новых возможностей и методологий чтения: он дает «наряду с традиционным чтением и совершенно иной доступ к текстам»; специальные цифровые корпуса; а также пространство генеративного ИИ, содержащее в себе материал псевдо-Достоевского. Подход к названному сложному явлению опирается на концепт субъекта и субъектности художественных произведений Достоевского и самого автора, – непростого явления. Оно включает в себя субъектность читателя с его динамической интеракцией с текстом по ходу его развертывающихся процессов. Бахтинский диалогизм тоже получает осмысление (этим и возникает новый микродиалог между статьями настоящего номера), как и ставится вопрос отношения субъекта к слову (начиная с обращения самих героев к разным текстам – примеры взяты из *Братьев Карамазовых*) и характера его открытости, а также – проблема множества ипостасей идеи субъекта и этапов самого становления субъектов автора и читателя, не отражающееся достижением генеративной ИИ.

В разделе *Переводы* мы найдем три важные работы итальянского ученого Лауры Сальмон, которые многими нитями связаны с разветвлениями обсуждаемых тем статей. Три статьи “Антиромантический бунт Достоевского-художника и тревожный субстрат *Белых ночей*”; “О связности ‘полифонических монологов’ Достоевского: типология, безымянность и антономазия смешных подпольных ‘мечтателей’”; “Значение ‘неназванного’ имени «пленника» в рассказе о Великом Инквизиторе Достоевского” представляют собой индивидуальный, во многих аспектах инновационный подход к названным темам, сообщая о новом взгляде на знакомые произведения и их интерпретацию, и демонстрируют значительное, до сих пор лишь на итальянском языке известное научное

достижение по пониманию поэтики Достоевского. Этот блок обращает на себя внимание и с точки зрения проблематики перевода, с которой знакомит читателя в своих заметках переводчик Дарья ФАРАФОНОВА, в качестве автора “Вводных слов” к трем статьям (этим и обогащается переводоведческая проблематика в настоящем номере *DS*, в центр ставится процесс перевода научных работ). Затем получаем толкование научного содержания переведенных статей.

В разделе *Рецензий* еще более расширяются географические границы международного пространства научного исследования по Достоевскому. Стефano Алоэ (Верона) пишет рецензию на книгу японского ученого Тэцуо Мотидзуки, *Микрокосмы Достоевского* (Дальний Восток, близкая Россия; вып. 7) (Белград: Границар, 2025); Раффаэлла ВАССЕНА (Милан) – на американскую монографию Lindsay Ceballos, *Reading Faithfully: Russian Modernist Criticism and the Making of Dostoevsky, 1881-1917* (Ithaca: Northern Illinois University Press, an imprint of Cornell University Press, 2025) (NIU Series in Slavic, East European, and Eurasian Studies); Ангелика РЕЙХМАНН (Эгер, Венгрия) дает обзор специального номера *Studies in East European Thought* (vol. 77, special issue, № 5, Oct. 2025, pp. 783-1138), где под редакцией австралийского ученого, достоевковеда Слободанка Владив-Гловер вышел номер *Dostoevsky in the World Today*; Жофия МАКАДИ и Дмитрий МАЗАЛЕВСКИЙ (Дебрецен, Венгрия) знакомят читателя с книгой «Язык, который я использовал и делал». *Языковое присутствие: сборник научных трудов в честь 80-летия Арпада Ковача*, сост. и ред. Мартон Ховани, Ангелика Молнар (Будапешт: ELTE Eötvös József Collegium, 2024). Особенno ценны для читательской аудитории обзоры за данный год по исследовательской работе, мероприятиям и проектам по Достоевскому определенного научного коллектива, института или страны. В таких рамках получаем информацию о деятельности Национально-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН в 2025 году, в обзоре Николая Подосокорского (Москва). Мы благодарны Жорди Морильясу за хронику о греческой конференции 2025 г. в Афинах [Chronicle of the International Conference “Humanness, Godness, and the Universe in Dostoevsky’s Work”, Athens, 16-18 October 2025], как и за сообщение Александра Ариэля Гонсалеса о предстоящем XIX симпозиуме МОД в Буэнос Айресе в июне 2026 г.

Скорбной душой вспоминаем в некрологах наших друзей, близких к сердцу многим из нас выдающихся ученых достоевистики, членов нашего Международного Общества Достоевского, Бориса Николаевича Тихомирова (авторы – Владимир Захаров и Ирина Андрианова),

Тойофусу Киноситу (автор – Наохито Саису) и Арпада Ковача (рукой Каталин КРОО).

*

Настоящая вводная статья началась с напоминания о бахтинской диалогичности и полифоничности, указывая на то, как тематические, методологические и интерпретационные компоненты отдельных статей могут быть привлечены к обнаружению читателями микродиалогов между статьями в открытом и плюральном пространстве научного мышления. *Dostoevsky Studies* обеспечивает для всех читателей синергетическое содействие исследованию творчества Достоевского. Такая синергия основывается именно на плюрализме подходов. Смысл последних слов Дарьи Фарафоновой во введении к собственным переводам работ Лайры Сальмон можно распространить на оценки и других статей номера: «Неизменно опираясь на художественное слово, эти работы позволяют выявить и изучить текстовые механизмы, порождающие возможность множественных прочтений. Это, в свою очередь, открывает пространство для научной дискуссии». Наши научные дискуссии на страницах *DS* могут продолжаться в любых направлениях в очередных статьях следующих номеров. Но пусть не забудем и о важном форуме, объявленном в прошлогоднем номере журнала, о разделе *ЭХО*, в который редакторы готовы включить не только статьи, но и короткие заметки, отзывы, комментарии, дополнения к проблемам, поставленным в работах, опубликованных в предыдущих номерах *DS*. Любой изложенный вопрос – интерпретационного, теоретического, методологического, текстологического и т.д. характера – ожидает осмысления в обратной, продвигающей наши дискуссии вперед реакции. А урок, которому мы решительно можем учиться, догадываясь по разделу переведенных статей о том, скольких работ мы не знаем вообще из неимоверно богатого склада ценных научных достижений по творчеству Достоевского, безусловно имеет практическую релевантность. Вывод заключается в том, что нам, наконец, действительно нужно приступить, без промедления, к созданию общей цифровой базы данных научных работ настоящих и бывших членов МОД по творчеству Достоевского, в которую члены нашего общества могут вносить данные о своем исследовании каждый год с указанием на доступные цифровые ссылки. В первую очередь необходима тематическая база данных научных работ, классифицированных по названиям отдельных произведений Достоевского, дополненных аннотациями,

на основе которых можно выявить множество тематических перекрестных ссылок. Обстоятельства практической реализации составления такого интернет-ресурса и обеспечения непрерывности расширения его данных из года в год нужно основательно обдумать (инициативы и конкретные идеи уже появились не один раз). Наши продуктивные синергетические процессы в значительной мере смогут опираться на взаимное знание ценных работ, которые накопились в течение многих десятилетий научной деятельности Международного Общества Достоевского.*

*Каталин КРОО
Главный редактор*

* Здесь выражаем искреннюю благодарность нашим коллегам, носителям русского и английского языков, которые бескорыстно помогали в языковой редакции статей, вошедших в данный номер журнала – Даниил Алоэ, Кэрол Аплонио, Александра Банченко, Юрий Корриган, Нина Магочи, Нина Николаева, Сара Хадспит.